

Волна вольна

Волна, волна, – гуляй, вольна,
от карельского валуна
до рипейской Яйык-реки,
и ты, вольна, реки-реки
о Зарни-сватье, о Бабе златей,
с квиткой и свитком,
оповитыми
млеком БелВодья,
мёдом Угодья...
Ты расти на волюшке,
вирья Свирьская,
от карельского валуна
Нёвы питерской,
от ворот Тверцы
до Нёглы-невольницы
и сестрицы Москва-реки,

и ты, волна, реки, реки
о камне Уара в Бору старом...

Яром славным, вольна,
да от Толги вниз,
ты к Почайне, шальна,
струись!

Не молчи, волна, мчи
вдоль полынных степей,
в такт копыт коней
волнь ковыльную!
Ветра жар вплетай
в водный вал, свивай
слово вольное
в песнь народную!
Ты журчи, вольна,
ты гуди, волна, долго
во всю ширь Волги
об Утёсе в Горках,
где гора Дурман,
в сто сажень Курган...

Волна, волна, – вставай, вольна,
с Самарского дна!
Ты реки, волна, перекатами
об Урале,
смагдом богатом!
В пенном уборе
из Ори в Тобол,
Омью катись
в Ирей-тишь – Иртыш!
Рябью по Таре
от-зо-вись...
Межной-ОМежной
во льдах Оби
о волюшке шепотни,

снежно-Онежно...
Белым сугробам,
чтоб стали не гробом,
а тёплым Домом,
озёр Путоранских
ОКОЁМОМ...
Тори, реки, да не напрасно!
Гори, вольна, ясно,
Красно-ЯРско,
чтоб не погасло!

Тайнопись

Мой философский камень – ключ,
хранящий ИМЯ. Он горяч,
колюч, как ёж и многоигл,
он тайный бред моих сивилл,
танцующих вокруг костра...
Их песни – жара чистота,
и смех, и леденящий вой,
и шёпот рун. Сей частокол
лучистых ровн моя броня,
подковы моего коня
из лада рифм и дроби ритма,
в прожилках огне-лазурита.
Коня нагайкой не хлещу,
лишь тихо глажу по плечу.
Вечерне-утренней зарёю
пускаю друга к водопою...
А там, на донце и в розетке
лежит мой ключ, как ёж морской,
животрепещущим алмазом...
И пьёт водицу конь гнедой,
кося одним лиловым глазом...
Смолкает эхо вдалеке.

А ива золотую веткой
выводит ИМЯ на песке...

Земля-Ника

В.

Мальчишки бежали –
пострелы...
«Земляника, – кричали, –
поспела!»
Земляника к земле никла,
алела в твоей ладони
каплями крови,
скрывая линию Жизни...
Сбиты верхушки трав
веткой в твоих руках,
будто сабелькой.
Мальчишки...
Как жаль,
ведь не знал ты –
берёза росла из моей спины,
обоих питая силою.
Светило всходило и заходило,
сияло и меркло...
С разных планет –
разминулись с тобой на двадцать лет
по земным меркам.
Север и Юг не сойдутся вдруг
и не расстанутся,
обвенчанные,
на страже полярной вечности.
И, может статья,
меж Полоцком и Берестьем
есть заповедное место:
с травой, стеною растущей,

как в БелаВежской пуще,
в оправе корней древесных
озеро среди леса...
Там ты рождаешься вновь
между моих ног,
с маковкой золотою,
обвитою тишиною...
С рук моих шуе-десных
буселом в поднебесье
сигнёшь из оков и... был таков!
Перья – они же стрелы,
а сверху всегда виднее:
«Земляааа... Никааа! ...пелааа!...»
Сорвиголовые бегут к дому
извилистой тропкой,
с горки в овраг и снова в горку...

Беззвучие

Беззвучье пустоте созвучно...
– Не уходи туда, – себе шептала.
«Но лепет твой как сон докучный», –
себе чуть слышно отвечала.

– Да. Те слова убей или запри
в груди. Пусть чахнут там до срока.
Всё лишнее порви или сотри.

– Постой... Но это... так жестоко.
А как любовь? Моя любовь?..
– Молчи. Не повторяй. Напоминаю:
беззвучие отныне твой покров.
Ступай за выжившими.

– Знаю...